

DOI: 10.31857/S086919080014345-6

СОРОК ЛЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ИРАНА В КАРТАХ

© 2021

Ю.А. ЗОТОВА ^а

^а – Исламский университет Азад (северо-Тегеранское отделение), Иран, Тегеран
ORCID: 0000-0003-3156-8603; juliazotova@yahoo.fr

Резюме: В результате Исламской Революции 1979 г., в Иране была создана уникальная, не имеющая аналогов в мире политическая формация – исламская республика. За последние сорок лет иранская теократия показала свою устойчивость и способность противостоять внешним и внутренним угрозам. Политическая система ИРИ сочетает в себе доктрину исламского правления «веляят-е факих» и республиканские принципы. В преддверии тринадцатых президентских выборов в ИРИ, назначенных на 18 июня 2021 г., отрадно отметить появление «Атласа президентских выборов в Исламской республике Иран (1979–2017)», созданного под руководством Бернара Уркада во французском Центре изучения Иранского мира. Цель данной статьи – привлечь внимание российских и иранских востоковедов к этому цифровому изданию. Рассматривая некоторые наиболее интересные с методологической точки зрения карты атласа, автор анализирует достаточно редкий опыт применения картографического метода для изучения современной политической истории Ирана. Политический ландшафт современного Ирана формируется вокруг двух основных полюсов: консерваторы, строго придерживающиеся принципов Исламской Республики и власти Верховного Лидера, и «реформаторы» или «прагматики» («прогрессисты», по Б. Уркаду), которые также поддерживают Конституцию ИРИ. Между двумя этими течениями существуют слабоструктурированная «более популистская» политическая реальность, проявившаяся во время мандата М. Ахмадинежада, и многочисленная «молчаливая оппозиция», которая выходит из тени и становится политически активной только в исключительных случаях. Все эти политические силы имеют относительно стабильную социальную и географическую базу. Комбинируя картографический и диахронический методы, Б. Уркад выделяет элементы преемственности в политической географии Ирана (особую роль регионов центрального Ирана), а также и совершенно новые тенденции в иранском обществе (преодоление традиционного противостояния между городом и деревней и очень сильное, но пунктуальное, местничество, выражающееся в поддержке кандидата в регионе его происхождения).

Ключевые слова: атлас, политическая география Ирана, президентские выборы, Бернар Уркад, исследовательский центр Иранского мира.

Для цитирования: Зотова Ю.А. Сорок лет политической истории постреволюционного Ирана в картах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 113–122. DOI: 10.31857/S086919080014345-6

FORTY YEARS OF POLITICAL HISTORY
OF POST-REVOLUTIONARY IRAN IN MAPS

© 2021

Julia A. ZOTOVA^a^a – Islamic Azad University (North Tehran Branch), Iran, Tehran
ORCID: 0000-0003-3156-8603; juliazotova@yahoo.fr

Abstract: *As a result of the Islamic Revolution of 1979, Iran created a unique, unparalleled political formation in the world – the Islamic Republic that combines the doctrine of Velāyat-e Faghi and republican principles. Over the past forty years, the Iranian theocracy has shown its resilience and ability to withstand both external and domestic threats. In the run-up to the thirteenth presidential elections in Iran, scheduled for June 18, 2021, it is gratifying to note the emergence of the “Atlas of the Presidential Elections in the Islamic Republic of Iran (1979–2017)” created under the direction of Bernard Hourcade at the French Center for the Study of Iranian World. The purpose of this article is to draw the attention to this digital publication. Looking at some of the atlas maps that are most interesting from a methodological point of view, the author analyzes a rare experience of using a mapping method to study Iran’s modern political history. As the maps of the atlas show, all the political forces in Iran (conservatives, reformers and etc.) have relatively stable social and geographical bedrock. By combining a geographical and diachronic analysis, B. Hourcade brings to light elements of continuity in the political geography of Iran (the special role of the regions of central Iran that are Shiite, Persian-speaking and conservative), as well as completely new trends in Iranian society (the shift away from a town/country divide and very strong, but punctual, localism, expressed in support of the candidate in their home province).*

Keywords: Atlas, Iran’s political geography, presidential election, Bernard Hourcade, Iranian World Research Center.

For citation: Zotova J.A. Forty Years of Political History of Post-Revolutionary Iran in Maps. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 113–122. DOI: 10.31857/S086919080014345-6

Более сорока лет назад, в 1979 г., революционное движение против имперского шахского режима, мобилизовавшее большую часть весьма различных политических сил в Иране, увенчалось победой Исламской Революции. В результате в этой стране была создана уникальная, не имеющая аналогов в мире, политическая формация – Исламская Республика, в которой республиканские принципы соседствуют с первостепенностью Ислама и шиитской доктриной «веляят-е факих». Последняя предусматривает верховенство полномочий факиха, наиболее авторитетного знатока исламского законодательства, в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти. Аятолла Р.М. Хомейни и другие идеологи шиитской теократии предложили считать факиха «уполномоченным» последнего «скрытого» имама. За последние четыре десятилетия эта форма теократии в Иране показала свою устойчивость и способность отвечать как внешним, так и внутренним угрозам. Начиная с первого апреля 1979 г. (12 фарвардина 1358 г. солнечной хиджры – даты объявления результатов всеобщего референдума о системе власти в постреволюционном Иране), в этой стране регулярно проводятся выборы на всех уровнях. Президентские выборы в Иране стали не только институционным ритуалом, но и реальной, хотя и лимитированной рамками исламской идеологии, платформой противостояния и конструктивного диалога легальных политических сил страны. В период президентских кампаний как никогда чувствуется

политический пульс страны. В преддверии тринадцатых президентских выборов в ИРИ, назначенных на 18 июня 2021 г., отрадно отметить появление первого «Атласа президентских выборов в Исламской республике Иран (1979–2017)» [Hourcade, 2020]. В данной статье рассматривается опыт применения картографического метода для изучения современной политической истории Ирана.

«Атлас президентских выборов в Исламской Республике Иран (1980–2017)», созданный под руководством известного французского географа и ираниста, заслуженного исследователя Бернара Уркада (Bernard Hourcade)¹, опубликован в марте – июне 2020 г. на цифровой платформе французского Национального центра научных исследований (CNRS)² – CartOrient. Работы по созданию атласа велись в лаборатории 8041 CNRS – Центре изучения Иранского мира (Le Centre de Recherche sur le Monde iranien (CeRMI))³.

Атлас, опубликованный на двух языках (французском и английском), состоит из введения, 25 авторских карт (каждая из которых сопровождается довольно объёмным аналитическим текстом, конкретным для каждой карты списком литературы), и общей библиографии. В текстах, кроме описания исторического контекста исследуемых выборов и интерпретации их результатов, в обязательном порядке приводятся имена кандидатов, а также доля полученных ими голосов. Карты сгруппированы в три раздела. Первый раздел «Первый электоральный опыт» включает в себя карты, созданные по результатам иранских президентских выборов с 1980 по 1993 г. Они отражают явку иранских избирателей на выборы 1980, 1981, 1985, 1989 и 1993 гг. по провинциям. Вторая глава атласа «Трудное зарождение политических дискуссий» посвящена президентским выборам с 1997 по 2017 г. Представленные здесь карты отражают явку избирателей, а также долю голосов в пользу того или иного кандидата по провинциям (*остан*), округам (*шахрестан*) и районам (*бахи*). Третья глава под названием «Некоторые компоненты политической географии Ирана» содержит аналитические карты, демонстрирующие всю сложность электоральной географии этой страны с учётом культурных, демографических, религиозных, этнических факторов. Кроме того, на той же платформе мы можем видеть 4 карты, посвящённые недавним парламентским выборам в Иране 2020 г. Все карты созданы по материалам иранского Министерства внутренних дел. На сайте карты интерактивные, всплывающие иконки дают точные статистические данные для каждой административной единицы. В 1980 г. Иран насчитывал 24 провинции (*остан*). Для облегчения чтения карт данные были адаптированы к современному административному делению страны, выделяющему 31 провинцию.

¹ Бернар Уркад (Bernard Hourcade) – известный географ, специалист по Ирану. Он руководил Французским институтом изучения Ирана в Тегеране с 1978 по 1993 г. Его работы посвящены социально-политической географии Ирана, урбанизму Тегерана. Б. Уркад является автором книг «Геополитика Ирана: вызовы возрождения» [Hourcade, 2016], «Геополитика Ирана» [Hourcade, 2010], «Иран в XX веке: между национализмом, исламом и глобализацией» [Digard, Hourcade, Richard, 2007] и др. Под его руководством были созданы «Атлас Ирана» [Hourcade, Mazurek, Papoli-Yazdi, Taleghani, 1998] и «Атлас Тегеранской агломерации» [Habibi, Hourcade, 2005]

² CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique) – Национальный центр научных исследований (НЦНИ) Франции – ведущее и крупнейшее государственное научно-исследовательское учреждение Франции, которое объединяет и координирует на национальном уровне государственные организации Франции, специализирующиеся в области прикладных и фундаментальных исследований. Это своего рода французский аналог РАН.

³ Лаборатория CeRMI (Centre de Recherche sur le Monde Iranien: Langues, cultures et sociétés de l'Antiquité à nos jours, Научно-исследовательский центр изучения Иранского мира: языки, культуры и общества от Античности до наших дней) – научно-исследовательское подразделение CNRS, работающее совместно с университетами: Университет Париж III Новая Сорбонна (l'Université Sorbonne Nouvelle), Национальный институт восточных языков и культур (l'Inalco) и Практическая школа высших исследований (l'École Pratique des Hautes Études), объединяет исследователей разнообразных дисциплин, изучающих обширный регион от Ближнего Востока до Средней Азии, находившийся под влиянием иранской цивилизации.

Во введении к атласу Бернар Уркад напоминает о сложившемся в начале 1979 г., вследствие свержения имперского режима и изгнания шаха Мохаммада Резы Пехлеви, консенсусе большинства иранских политических сил на предмет будущего республиканского устройства страны. Идея «республики» и соответственно выборов получила всенародную поддержку (98.2%) в ходе Референдума 30 и 31 марта 1979 г. Подчёркивается роль аятоллы Хомейни и шиитского духовенства в создании этой конвергенции позиций всех революционных сил. Отмечаются также и последовавшее затем обострение борьбы за власть между различными политическими группировками. Однако среди слов, составляющих девиз нового иранского государства (Свобода, Независимость, Исламская республика), только «республика» не являлась предметом разногласий. И сегодня, «несмотря на репрессии и ликвидацию большинства оппозиционных сил, политические дебаты остаются оживлёнными» в Иране. «Демократия – это бесконечная борьба, но не вызывает сомнений, что с юридической точки зрения Иран бесспорно является республикой, и иранцы действительно привязаны к данной форме правления» [Hourcade, 2020]. Несмотря на считающиеся неизбежными и вызывающие в отдельных случаях общественные протесты факты electoralной фальсификации, иранцы приняли избирательный процесс в качестве основного и верного средства политической борьбы за власть. Движение «Где мой голос?» «во время демонстраций в 2009 г. против условий переизбрания Махмуда Ахмадинежада, отражает эту реальность. Более того, почти все оппозиционные движения за границей тоже больше не хотят возвращения к монархическому правлению» [Hourcade, 2020].

Автор достаточно подробно рассматривает особенности политической системы и основные институты власти Исламской республики, такие как пост Верховного лидера (Rahbar), Президента ИРИ (Ra'is-e jomhur), Иранский парламент Меджлис (majles shurā-e eslāmi), Совет экспертов (majles-e khobregān), Наблюдательный совет или Совет хранителей конституции (shurā-e nehgabān), Согласительный совет или Ассамблея по определению государственной целесообразности (Majma'-e tashkhis-e maslehat-e nezām) и т. п., хорошо известные российским иранистам (см., напр.: [Дунаева, 2018; Евсеев, Сажин, 2009; Мамедова, 2018]). При этом подчёркивается выборность всех органов государственного управления в Иране, включая Рахбара. Ссылаясь на статью 56 Иранской Конституции, он напоминает, что Ислам совместно с иранским народом является источником легитимности власти в этой стране. Однако на практике, по мнению автора, в ходе управления страной иранцы больше руководствуются прагматичными принципами, чем идеологическими. Даже если религиозное присутствие остаётся достаточно сильным в социальных, культурных и политических сферах, иранское общество в целом и иранская политическая жизнь, в частности, переживают большую или меньшую секуляризацию. Место шиитского духовенства в государственных институтах и политической жизни является предметом продолжающихся дискуссий среди населения, представителей власти и даже самих богослов. Иранская Конституция же предусматривает, что только Верховный лидер (Рахбар) и Министр разведки в обязательном порядке должны быть членами духовенства.

С 1979 по 2017 г. в Иране имели место тридцать восемь избирательных кампаний (президентских, парламентских и муниципальных). В постреволюционный период выборы в местные органы власти на уровне провинций, округов, районов, городов и сельских округов, несмотря на то, что они были закреплены Конституцией (статьи 100–106), неоднократно откладывались по причине ирано-иракской войны (1980–1988), а также из-за опасения усиления местных центров власти. Первые муниципальные выборы состоялись лишь в 1999 г. в период президентства Мохаммада Хатами. Получив большую поддержку в обществе, эти выборы привели к значительно большему количеству кандидатов и избранию многих женщин. «Несмотря на всю ограниченность власти мэра, из них выросли известные

иранские политики, которые и сейчас продолжают играть важную роль в иранской общественной жизни» [Hourcade, 2020].

Говоря непосредственно о президентских выборах в Иране, Бернар Уркад указывает, что Президент ИРИ – это второе после Верховного лидера официальное лицо в стране. Глава исполнительной власти, он непосредственно возглавляет правительство. Напомним, что должность премьер-министра была упразднена конституционной реформой, утверждённой референдумом 28 июля 1989 г. Отсюда и вся важность президентских выборов. Согласно Конституции ИРИ (статья 113), президент Ирана избирается прямым всеобщим тайным голосованием на четырёхлетний срок, и он не может занимать этот пост более двух сроков. Голосование проходит в два тура. В выборах могут принимать участие все иранские граждане, достигшие возраста 18 лет (16 лет – до реформы 2007 г.). Кандидатами в президенты могут быть граждане ИРИ, шииты по вероисповедованию, «приверженные религии и политике» [Constitution, 2004]. Б. Уркад подчёркивает, что формально в ИРИ президентский пост не запрещён для женщин. Иранские президентские выборы проходят под строжайшим контролем Наблюдательного совета. Министерство внутренних дел лишь даёт административный допуск выдвинутым кандидатам и организует проведение голосования. Наиболее важным моментом избирательной кампании остаётся право Наблюдательного совета, который состоит из двенадцати «справедливых религиозных богословов, которые осознают нужды и проблемы сегодняшнего дня» (статья 91 Конституции ИРИ), отбирать кандидатов для голосования [Constitution, 2004]. Это право, уточняет автор, Наблюдательный совет получил после политического кризиса 1981 г. и импичмента первого иранского президента Абольхасана Банисадра. Обычно в Иране несколько десятков человек выражает свою готовность баллотироваться на пост президента, однако только группа из 4–8 кандидатов проходит через фильтр Наблюдательного совета. В список Наблюдательного совета обычно попадают политические деятели первого плана, которые, как ожидается, будут доминировать в избирательной кампании, а также второстепенные кандидаты, призванные лишь показать существование определённого разнообразия мнений. Несмотря на эти строгие институционные рамки, избирательный процесс в Иране, по мнению автора, не является полностью закрытым. Начиная с 1997 г., в президентской гонке участвуют кандидаты, имеющие противоположные взгляды на дальнейшее развитие Исламской Республики. И поэтому исход президентских выборов не всегда предсказуем.

Выборы первого иранского президента состоялись 25 января 1980 г., избирательная кампания, мобилизовавшая огромные народные массы, проходила в атмосфере большого политического разнообразия (124 объявленных кандидата, 96 допущенных к участию в голосовании и 8 фактически реальных кандидатов). Однако уже следующие президентские выборы, на которых победил Мохаммад Али Раджаи (убитый 2 августа 1981 г.), не вызвали открытых политических дебатов. Анализируя динамику президентских выборов, Бернар Уркад констатирует, что выборы Али Хаменеи (1981–1989) и Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) прошли без участия оппозиции, даже внутренней, при этом явка избирателей на выборы продолжала снижаться (всего лишь 50.7% избирателей приняли участие в переизбрании Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани в 1993 г.). «В условиях продолжающейся ирано-иракской войны, ликвидации либеральной и левой оппозиции и установления контроля над властью первых преемников аятоллы Хомейни, президентские выборы в Иране становятся простой юридической формальностью, результат которой был известен заранее: официальный кандидат часто получал более 90% голосов (95.1% за Али Хаменеи в 1981 г.)» [Hourcade, 2020].

Ситуация резко изменилась в 1997 г. на седьмых президентских выборах. Из 238 кандидатов, баллотировавшихся на этот пост, лишь четыре были допущены Наблюдательным

Советом в качестве официальных кандидатов на выборах. Мохаммад Хатами был избран президентом Исламской Республики Иран, получив 69.6% голосов избирателей с рекордной явкой в 79.9%. Б. Уркад объясняет это тем, что умеренная оппозиция, никогда раньше не принимавшая участия в выборах, массово проголосовала за этого религиозного кандидата в надежде на глубокие политические перемены. И действительно, никто не предполагал победу М. Хатами, подавшего в отставку министра культуры, который выступал за расширение участия граждан в политике, большую открытость и «диалог цивилизаций». Он был явной противоположностью кандидату от власти Али-Акбару Натек-Нури, тогдашнему спикеру парламента, поддерживаемому элитой духовенства и консервативными группировками. После неожиданной и блистательной победы М. Хатами президентские выборы в Иране стали поводом для проведения, пусть и коротких, но избирательных кампаний, проходящих в праздничной обстановке, с митингами, уличными демонстрациями, плакатами, листовками, и даже острыми политическими теледебатами.

Наблюдая за президентскими выборами, Б. Уркад приходит к выводу, что современный иранский политический ландшафт состоит из двух основных течений: первого, консервативного, преданного принципам Исламской революции и власти Рахбара, и второго, также верного Конституции ИРИ, но более «реформистского» или «прагматичного». Последнее автор называет «прогрессистским». К этим двум основным тенденциям, включающим в себя несколько фракций, следует добавить ещё и более «популистскую» политическую реальность, неструктурированную, но нашедшую выражение во время президентского мандата Махмуда Ахмадинежада. Кроме того, отмечается существование в современном Иране весьма многочисленной «молчаливой» оппозиции, которая не спешит к избирательным урнам и участвует в общественно-политической жизни только в исключительных случаях, таких как избрание М. Хатами в 1997 г., протестное движение 2009 г. или народные выступления, празднующие победы иранских спортсменов на международных соревнованиях. На иранской политической сцене Рахбар, Президент и Парламент являются тремя конкурирующими, но и одновременно взаимодополняющими игроками, заключает Б. Уркад.

Карты этого атласа, созданные скрещиванием электоральной статистики с соответствующими социологическими, экономическими и культурными данными, великолепно демонстрируют всю сложность иранской политической жизни. В качестве примера кратко рассмотрим некоторые, на наш взгляд, наиболее интересные с методологической точки зрения карты атласа.

Карта среднего коэффициента участия в президентских выборах (рис. 1)⁴ выявляет новую закономерность в политической географии Ирана – наличие значительных различий между провинциями, последовательно поддерживающими Исламскую республику высокой явкой на выборы и другими останами, выражающими своё несогласие с существующим режимом высокой долей отсутствовавших избирателей. Если в 1981 г. наблюдалось яркое противопоставление между политически активным центром страны и пассивной периферией, то современная ситуация значительно усложнилась. Обобщённо можно сказать, что высокую явку на выборы демонстрируют персоязычные и шиитские провинции, где традиционная (более консервативная) культура большинства населения совпадает с религиозными и социальными идеями Исламской республики. Это, в особенности, касается некоторых останов центрального Ирана (Йезд, Семнан, Маркази и Хорасан), многие из которых характеризуются довольно низким уровнем жизни. Активное участие в выборах избирателей двух провинций Илам (80%) и Лурестан (75%) с большим религиозным и этническим разнообразием автор объясняет строгим военным и политическим контролем этих останов со стороны центральной власти. С другой стороны, низкая явка на выборы

⁴ Рисунки к статье находятся на цветной вклейке.

регулярно наблюдается в периферийных регионах, где значительная часть населения является суннитами и национальными меньшинствами (курды, арабы, белуджи и т.д.). Средняя явка составляет всего 59% в Хузестане, 55% – в Западном Азербайджане и Белуджистане и 50% – в Курдистане. «В этих регионах, где политические дебаты, несмотря на репрессии, очень активны, неучастие в выборах является показателем реального недоверия населения этих провинций исламскому режиму» [Hourcade, 2020]. Автор отмечает также, что президентские выборы позволяют конфессиональным и этническим меньшинствам продемонстрировать в рамках закона своё несогласие с политикой, проводимой центральными властями, путём голосования в пользу кандидатов-реформистов, которые выступают, среди прочего, за равенство между гражданами независимо от их этнической принадлежности или вероисповедования. Таким образом, этнические и религиозные факторы по-прежнему играют важную роль в политической жизни Ирана. Экономическое сердце Ирана (обширный регион, протянувшийся от Тебриза до Прикаспийских провинций и от Тегерана до Персидского залива, где расположено большинство крупных городов) также показывает результаты участия в президентских выборах ниже среднего по стране. Однако здесь религиозная или этническая самобытность играет далеко не главную роль в политическом выборе, особенно принимая во внимание тот факт, что миграции привели к смешению населения в крупных городских районах. В этом контексте неявка на выборы является скорее умеренным проявлением недовольства или незаинтересованности, чем открытой оппозицией Исламской Республике.

Весьма оригинальный подход к анализу президентских выборов демонстрирует карта, представляющая географическое происхождение кандидатов в президенты, баллотировавшихся на одних или нескольких выборах (рис. 2). Видно, что двум политикам, местом рождения которых являлся иракский Наджаф (где их родители изучали теологию), было разрешено стать кандидатами в президенты, поскольку Конституция ИРИ требует от кандидатов иметь иранское гражданство и происхождение, но не быть рождёнными на национальной территории. Карта свидетельствует о том, что иранские регионы очень по-разному участвуют в избирательном процессе, который по-прежнему весьма ограничен Конституцией Исламской Республики, и прежде всего ролью Наблюдательного Совета, при отборе кандидатов ещё до выборов. Нетрудно заметить, что фактически Иран разделён на две части. Первая, активно участвующая в политической жизни страны, объединяет центральные останы (16 провинций, включая Тегеран, Исфахан, Мешхед и т. д.), выходцы из которых были кандидатами на президентских выборах. И вторая – 15 периферийных останов, не представивших ни одного кандидата в президенты, кажется маргинальной или, по крайней мере, слабо вовлечённой в национальную политическую жизнь. Провинциями, которые «дали» наибольшее количество кандидатов, были Исфахан (Исфахан – первый город, де-факто, контролируемый революционными силами ещё до падения шахского режима), а также и город Мешхед (столица остана Хорасан-Резави, старейшее и самое популярное место паломничества в Иране). Все избранные иранские президенты родились в центральных останях Ирана: Абольхасан Банисадр (1980–1981) в Хамадане, Мохаммад-Али Раджаи (1981–1981) в Казвине, Али Хаменеи (1981–1989) в Мешхеде, Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) в Бахрамане (провинция Керман), Мохаммад Хатами (1997–2005) в Ардакане (провинция Йезд), Махмуд Ахмадинежад (2005–2013) в Арадане (провинция Семнан) и, наконец, Хасан Рухани (2013–2021) в Сорхе (провинция Семнан). Совершенно особый случай представляет собой Тегеран, который как столица страны, занимает главенствующую позицию в национальном политическом ландшафте. Здесь родились 14 из 42 кандидатов в иранские президенты. К тому же, все иранские президенты сделали свою политическую карьеру в Тегеране в центре властных структур. «И этот

элемент их политической биографии был более важным для достижения президентского поста, чем их региональная привязанность, зачастую ограничивающаяся семейным измерением» [Hourcade, 2020]. Этот факт перекликается с растущей проблемой гипертрофии иранской столицы и сильной централизацией страны. Конституция ИРИ, запрещающая баллотироваться кандидатам, не являющимся шиитами, объясняет тот факт, что ни один из кандидатов не является выходцем из районов с суннитским большинством (Курдистана и Белуджистана). Автор обращает внимание, что, за исключением Мир-Хоссейна Муссави и Мохсена Мехрализаде, ни один кандидат, получивший разрешение баллотироваться, не был из регионов с тюркоязычным населением, хотя последние составляют более четверти населения Ирана. Однако автор не спешит говорить о политической маргинализации азербайджанского населения, принимая во внимание значительную долю тюркоязычного населения в крупных городах, особенно, в Тегеране, и этническую принадлежность к азари самого Рахбара, родившегося в Мешхеде.

Происхождение кандидатов частично определяет и характер голосования за них. На карте «Локальность и регионализм: президентские выборы 2005 г.» (рис. 3), показывающей кандидатов, занявших первое место в первом туре голосования, по провинциям, прекрасно видно, что иранцы продолжают отдавать предпочтение выходцам из своих регионов вне зависимости от их политических взглядов. Все семь кандидатов, даже получившие минимальные результаты на национальном уровне, оказались на лидирующих позициях в провинциях происхождения своей семьи: Али Лариджани – в Мазендаране, Мохсен Мехрализаде – в Азербайджане, Мехди Карруби – в районах кочевого расселения луров и Мохаммад-Багер Галибаф – в Хорасане.

Многолетние наблюдения за политической жизнью Ирана и данные выборной статистики позволили автору провести классификацию иранских провинций по типу электорального поведения (рис. 4). Данная карта создана путём корреляции между средними данными явки на выборы с 1997 по 2017 г. и политическим профилем кандидатов, получивших большинство голосов в данном остане. Бернар Уркад выделяет 4 типа провинций с точки зрения их участия в выборах и характера голосования:

1. Провинции, демонстрирующие высокую явку на выборы и голосующие преимущественно за кандидатов консерваторов (на карте обозначены темно-зелёным цветом). Эти останы, расположенные между Хорасаном и Загросом, по словам Б. Уркада, являются сердцем Исламской республики и включают в себя такие города, как Исфаган, Мешхед, Кум, Арак. Это достаточно однородный, густонаселённый географический ансамбль, который, будучи шиитским, консервативным, традиционным, религиозным и населённым преимущественно персидским большинством, активно участвует в политической жизни страны.

2. Провинции с низкой явкой на выборы и голосующие главным образом за прогрессивных кандидатов расположены на восточных и западных окраинах Ирана (останы Белуджистан, Курдистан, Западный Азербайджан, обозначенные на карте тёмно-фиолетовым цветом). Населённые в основном суннитами и этническими меньшинствами (азари, курды, белуджи, арабы) они часто представляются как оппозиционные существующей власти. Однако их слабое участие в выборах снижает эффективность их голосования за прогрессистов.

3. Регионы с «умеренным» политическим поведением как с точки зрения политического позиционирования, так и с точки зрения участия в голосовании. Это, обозначенные на карте коричневым цветом, Тегеранский регион, Прикаспийские провинции, а также юг страны. Помимо политической столицы, эти регионы включают в себя важные исторические центры Ирана (Йезд, Шираз, Керман) и два главных полюса экономической жизни страны: Тегеран и Персидский залив. Такая ситуация делает эти останы центром электоральной и

политической динамики страны, «поскольку баланс политических сил не замораживается культурным, религиозным или этническим наследием». Предвыборные дебаты в этих останках являются особенно острыми и в конечном итоге определяют исход выборов на национальном уровне.

4. И, наконец, четвёртый тип электорального поведения (светло-фиолетовый цвет на карте) – это провинции, где неявка на выборы выше, чем в среднем по стране, и результаты голосования соответствуют общенациональной динамике, колеблясь между консерваторами и реформаторами. В основном это регионы с преимущественно тюркоязычным (Ардебиль, Восточный Азербайджан) или этнически неоднородным (Хузистан, Голестан, Хамадан, Керманшах) населением. Их вес в национальном политическом выборе и, особенно, на президентских выборах довольно незначителен из-за низкой явки, которая, в свою очередь, отражает оппозицию центральному правительству.

Принимая во внимание тот факт, что электоральная география не получила в Иране значительного развития и выявление политико-географических различий по-прежнему приравнивается к ирредентистским и даже сепаратистским тенденциям, можно только приветствовать появление такого солидного научного исследования. Пространственный анализ президентских выборов, совмещённый с обширными социологическими, этнографическими и историческими данными, позволил автору представить современную иранскую политическую жизнь во всей её сложности. Атлас иранских президентских выборов даёт возможность прояснить некоторые теоретические вопросы, например, о весе локальных и этнокультурных факторов в формировании общественного мнения и в структурировании голосования, а также о кристаллизации основных политических течений в современном Иране (консерваторы, реформаторы и т. д.), которые, как оказалось, имеют относительно стабильную социологическую и географическую базу. Комбинируя картографический и диахронический методы, карты атласа демонстрируют, с одной стороны, элементы преемственности в политической географии Ирана, в частности, особую и доминирующую роль регионов центрального Ирана (шиитских, консервативных, населённых персидским большинством). С другой стороны, налицо и совершенно новые тенденции в современном иранском обществе, такие как, например, преодоление традиционной оппозиции между городом и деревней или пунктуальное, но ярко выраженное, местничество (локализм) – предпочтение местного кандидата вне зависимости от его политической платформы. Данное исследование наглядно показывает, что невозможно понять современную иранскую политическую жизнь без учёта этнокультурного наследия этой страны и социально-географических особенностей её населения. Возможно, что не все согласятся с интерпретацией иранской электоральной статистики, предложенной Бернаром Уркадом, однако огромный фактический материал и оригинальные методы, представленные в Атласе президентских выборов в ИРИ (1980–2017), несомненно, привлекут внимание российских иранистов, политологов, географов и всех специалистов, занимающихся современной историей Ирана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 4. С. 169–189 [Dunaeva E.V. Shiite Clergy in Iran's Political Life. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2018. Vol. 11. No. 4. Pp. 169–189 (in Russian)].

Евсеев В.В., Сажин В.И. *Иран, уран и ракеты*. М.: Институт Ближнего Востока, 2009 [Evseev V.V., Sazhin V.I. *Iran, uranium and missiles*. Moscow: Middle East Institute, 2009 (in Russian)].

Мамедова Н.М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т.11. № 3. С. 152–165 [Mamedova N.M. Political System of the Islamic Republic of Iran: Its Features and the Upside for Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 152–165 (in Russian)]. *Constitution de la République islamique d'Iran (1979-1989)*. (traduction et notes par M. Potocki). Paris: L'Harmattan, 2004.

Digard J.-P., Hourcade B., Richard Y. *L'Iran au XXe siècle, entre nation, islam et mondialisation*. Paris: Fayard, 2007.

Habibi M., Hourcade B. *Atlas de Téhéran métropole*. Téhéran–Paris: Centre d'Informations Géographiques de Téhéran, CNRS. 2005.

Hourcade B. *Atlas des élections présidentielles en République Islamique d'Iran (1980–2017)*. 2020. <http://cartorient.cnrs.fr/cahiers>

Hourcade B. *Géopolitique de l'Iran. Les défis d'une renaissance*. Paris: A. Colin. 2016.

Hourcade B. *Géopolitique de l'Iran*. Paris: A. Colin, 2010.

Hourcade B., Mazurek H., Papoli-Yazdi M.-H., Taleghani M. *Atlas d'Iran*. Paris: GIP Reclus et La Documentation Française, 1998.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗОТОВА Юлия Александровна – доктор
Сорбонны в области славяноведения, старший
преподаватель Исламского университета Азад
(северо-Тегеранское отделение), Тегеран, Иран.

Julia A. ZOTOVA, Doctor in Slavic studies
from Sorbonne University, associate professor
at Islamic Azad University (North Tehran
Branch), Tehran, Iran.

Иллюстрации к статье Ю.А. Зотовой

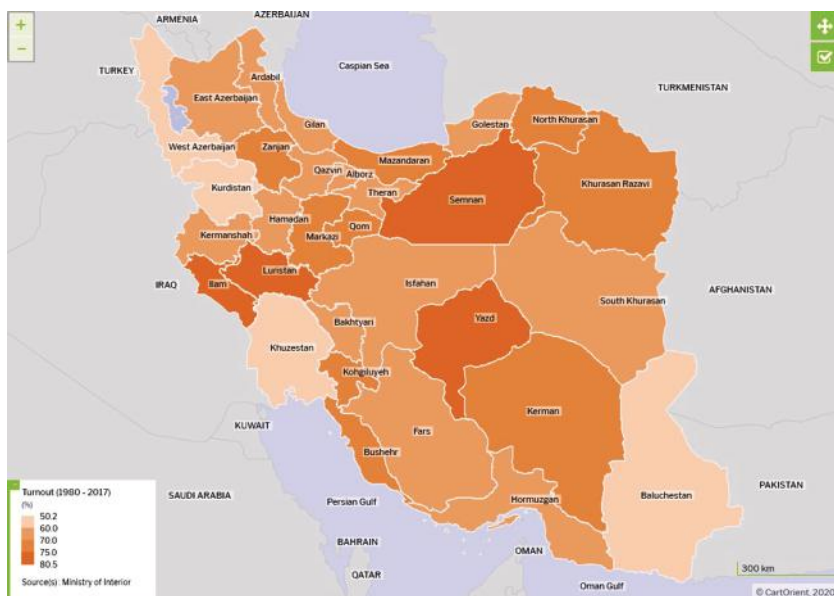

Рис. 1. Средний коэффициент участия в президентских выборах в ИРИ (по останам)

Источник: Bernard Hourcade. “Average Voter Turnout Rate in Iranian Presidential Elections between 1980 and 2017 (by Province, 1980–2017)”. *CartOrient*. Online since 16 January 2020. Connection on 02 October 2020. <http://cartorient.cnrs.fr/atlas/170>

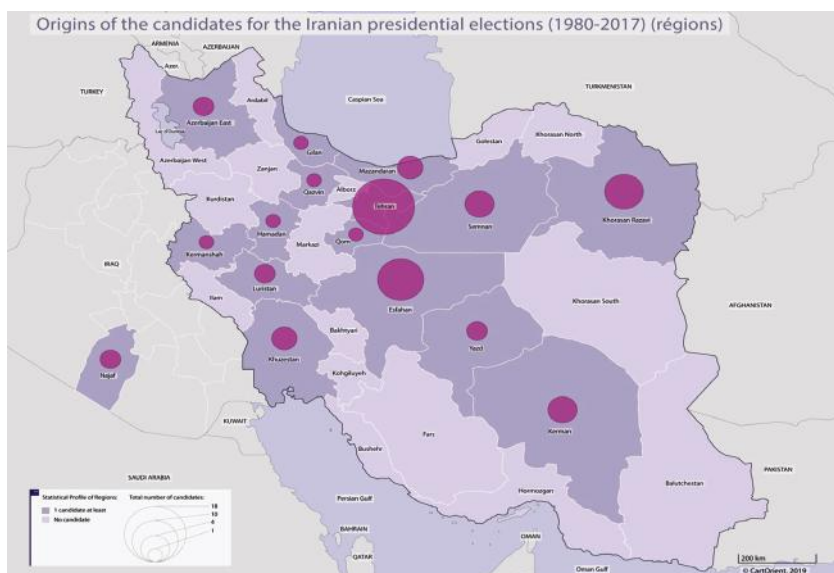

Рис. 2 Происхождение кандидатов в президенты ИРИ (по останам, 1980–2017).

Источник: Bernard Hourcade. “Origin of the Candidates in Iranian Presidential Elections (by Region, 1980–2017)”. *CartOrient*. Online since 01 October 2019. Connection on 02 October 2020. <http://cartorient.cnrs.fr/atlas/158>

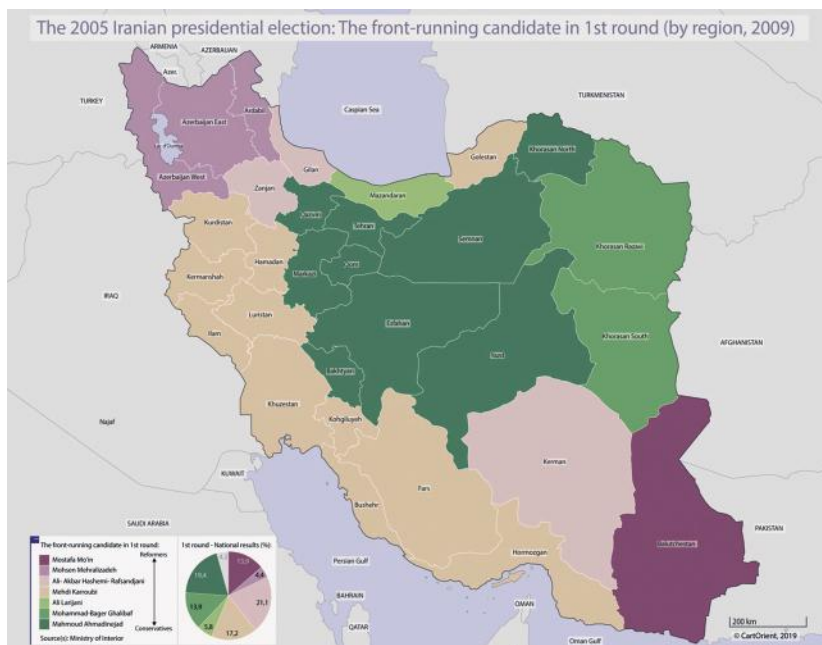

Рис. 3. Локализм и регионализм: президентские выборы в Иране в 2005 г.
 Источник: Bernard Hourcade. "Localism and Regionalism: the 2005 Iranian Presidential Election (by Region, 2005)". *CartOrient*. Online since 06 November 2019.
 Connection on 31 January 2021. <http://cartorient.cnrs.fr/atlas/169>

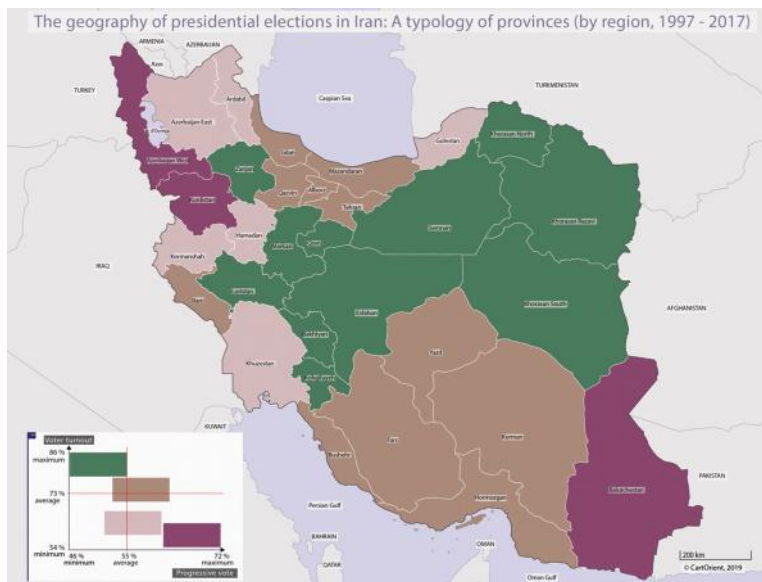

Рис. 4. География президентских выборов в Иране: типология провинций (по останам, 1997–2017).
 Источник: Bernard Hourcade. "The Geography of Presidential Elections in Iran: A Typology of Provinces (by Region, 1997–2017)". *CartOrient*. Online since 03 March 2020.
 Connection on 02 October 2020. <http://cartorient.cnrs.fr/atlas/172>